

Беженцы. Семейная хроника

Для пинчанина Александра Шиманского история – это не сухие факты и даты, а живой, дышащий материал, сотканный из человеческих судеб, радостей, испытаний и любви. Он – настоящий летописец своей семьи, человек, который с трепетом собирает и бережно хранит эти нити, связывающие поколения. Его семейная хроника – наследие, которое будет жить и развиваться, напоминая о том, что каждый из нас – часть чего-то большего, чего-то вечного. Рассказ, которым Александр ШИМАНСКИЙ поделился с автором проекта «1915. ВЕЛИКИЙ ИСХОД», посвящен его родным и близким, пережившим трудности беженства в Первую мировую войну:

– Прошлого не вернешь, но попытаться заглянуть в него можно. Мой отец Николай Евтихович Шиманский и моя мать Анна Борисовна Шиманская (Юдчиц) не заканчивали университетов. Университетом их была сама жизнь и те трудные годы, в которые и прошло становление их семьи. Не любили мои родители рассказывать о своей жизни в беженцах ни в Первую мировую войну, ни во время Второй мировой. Остались лишь обрывочные воспоминания, по которым я и попытаюсь составить картину тех лет.

По рассказу отца, мой дед Евтихий (Овтыль) Кондратьевич умер в начале Первой мировой войны. Был он крестьянином деревни Пешки (современного Березовского района). – Прим. автора проекта) и в то же время выполнял общественную службу волостного судьи. По рассказам моей тети Дуни (Евдокии), судил он всякие дела между сельчанами. За это ему сельчане приносили в основном выпивку, а его жена Ефросинья (Пружина) очень ругалась и требовала, чтобы он оставил этот пост. Нужно было управляться с сельскохозяйственными работами, убираться по дому, а тут в доме шум, гам, идет разборка между сельчанами, а потом пьют мировую. По рассказам Дуни, дедушка был даже награжден какой-то царской медалью. Семья у них была большая. Жили довольно бедно. Два раза дедушка был женат. первая

каких-то станциях и их кормили горячим, давали мясо и белый хлеб. Для сельского паренька белый хлеб, да еще в таком количестве, был в диковинку. К холодам добрались по железной дороге к городу Царицын и оттуда были направлены жить в деревню. По его воспоминаниям, это была деревня Богдановка или Богдановцы. Жили они у хозяина, который принял их хорошо. У него они не бездельничали, а помогали по хозяйству и на разных сельскохозяйственных работах. Через год начались небольшие трения с хозяином и им пришлось переселиться в летний лагерь за деревню. Оказалось, что царское правительство стало задерживать помощь беженцам и, как говорил сам хозяин, плату за их содержание. Вскоре пришлось жить тем, что они могли заработать у других богатых хозяев.

Через какое-то время из села исчезли полицейские, а по селам и хуторам начали метаться всадники на лошадях, стали слышны выстрелы, орудийная канонада. То и дело по улицам ходили обремененные люди в военной форме с оружием. Так прошли несколько лет. Наконец в деревне образовались Советы. Когда в Поволжье начался голод, те, кого на чужбину забросили обстоятельства, разделили судьбу местных жителей. Однажды всех беженцев собрали на деревенской площади и направили в Царицын. Там им сообщили, что кто хочет вернуться домой, тот

Два раза дедушка был женат, первая жена умерла. Пришлось моему отцу быть и пастухом в деревне Шлях-Пуца у своей старшей сестры Натальи. До сильных холодов с раннего утра до позднего вечера пас скотину. Обувка – лапти на босые ноги, которые он плел, когда пас коров.

Летом 1915-го через деревню потянулись телеги, нагруженные домашним скарбом, с привязанными коровами. У этих телег шли хмурые мужики с женами, а на телегах сидела ребятня. Порой в колдце у дома не хватало на день воды, выпивали проходящие беженцы. Лето было горячим. По ночам на Западе видны были дымы, освещаемые заревом горящих деревень. Вскоре и в их деревне появилась военная команда на конях. Лихие военные с шашками на боку и винтовками за плечами, размахивая нагайками, громко объявили, что нужно собирать скарб, грузить на телеги и двигаться на Восток. Грозили, что дома тех, кто не поедет, будут немедленно подожжены, а их самих отправят под арестом. Обещали, что беженцев царь-батюшка в беде не оставит и помощь будет.

Ефросинья Леонтьевна (Прузина), уроженка деревни Михалки, собрала своих детей Николая, Василия и Ивана, Дуню от первой жены Евтихия Насти, загрузилась нехитрым скарбом и направилась по дорогам в глубь России. Кое-что закопали в землю в надежде вскоре вернуться. Никто и не предполагал, что это вынужденное путешествие растянется на несколько трудных лет. Где они бросили часть своих пожитков и лошадь и пересели в вагоны на железной дороге, отец не смог рассказать. В его памяти только и осталось, как эшелон останавливался на

что, кто хочет вернуться домой, могут направляться в вагоны. Многих из тех, кто в 1915-м уезжал в беженцы, не было в этих вагонах. Одни умерли, другие остались в России. По пути на станциях железной дороги больше беженцев никто не кормил, не всегда можно было разжиться и горячей водой. В теплушках только и было разговоров, как встретит их другая власть. О том, что там будут поляки, возвращающихся беженцев предупреждали, пугали какие-то начальники в кожаных куртках и предлагали остаться в России. Из Барановичей до деревни Пешки шли пешком. И вот наконец встретила их родина. Заросшие поля, разбитые окна в хате. Слава Богу, уцелел дом. С чего начинать? Как жить дальше? Оказалось, что несколько семей спрятались в лесах и сумели выжить и при немцах, и при поляках. К этим семьям и пошли с поклоном безлошадные беженцы. Потихоньку стали налаживать новое хозяйство. Вскоре моего отца забрали служить в польскую армию. Служил в саперных частях в Брестской крепости. Из армии вернулся в той одежде, в которой призывали. Военную форму нужно было сдать на склад. Братья отца поженились, а вскоре умерла его мать. Женился после армии и отец. Взял в жены девушку из деревни Михалки, мою маму Анну Борисовну Юдчиц....

Примерно одинаково, как и у отца, произошел уход в беженцы и семьи, в которой жила мама. Семья дедушки Бориса Михайловича Юдчица в составе его жены бабушки Зоси и их детей Николая и Анны была направлена в район города Камышин. Проживали они в каком-то селе на берегу Волги. Недалеко от их

села были монастырь и церковь, купола которой хорошо просматривались из их нового места жительства.

По рассказам мамы, их поразили глубокие овраги, которые вели к Волге, и белый хлеб. Черного хлеба поначалу не было, был только белый. Плавать мама боялась, а вот ее тетя Зина, они были почти ровесницами, доплывала почти до середины Волги и не боялась зимой на саночках спускаться с оврага. В этом селе жили и близкие родственники бабушки Зоси — братья и сестры и отец с матерью. Там были и Григорий (Рыгор), его сестры Зина, Галена, Анна и их родители — Роман Савчук с женой Хвилиной. Расселили по хозяйским домам и других жителей деревни Михалки.

Как вспоминала мама, с хозяевами дома поначалу было много непоняток из-за языка. Однажды ее попросили принести вожжи, а где их взять, если они в нашей местности — «лейцы»?! Всё это вызывало веселый смех у присутствующих, но никто на это не обижался. «Обиды появились позже, когда беженцам перестали оказывать помощь, — вспоминала моя мама. — А когда деревня начинала рыдать над

убитым на войне солдатом, тогда хоть на улицу не ходи. А в чем наша вина? Ведь и мы страдаем от этой войны. Но получалось: у них есть богатое хозяйство, а мы — на хлебники. Через какое-то время стали говорить, что в России произошла революция. Все притихли. По ночам стали слышны выстрелы. Кто в кого стрелял, зачем, мы не знали. По селу часто проходили разные военные, правда в селе поначалу никого они не трогали, иногда забирали скотину. Местные крестьяне прятали скотину и лошадей в оврагах недалеко от села.

Потом поползли слухи, что рядом разгромлен монастырь. Монахов то ли убили, то ли угнали в другое место. Вскоре стала образовываться в селе коммуна. Беженцев определили в коммуны и вселили в разрушенный монастырь, где те стали налаживать быт. В коммуне работали на себя, была общая кухня. Но снабжение коммунаров становилось всё хуже. Местные боялись приглашать коммунаров для работы, их предупреждали, что будут наказывать за наемный труд. Начинался голод. В этой ситуации от голода спасала бабушка Зося. Ее назначили поваром в коммуне, а малые дети помогали ей в

этом. Бабушка Зося из самых простых продуктов могла готовить разные блюда, даже иногда бедные дети из села приходили подкормиться в монастырь на кухню. Прошло немного времени, и беженцам объявили, что они могут выезжать на свою родину.

Из родных, выехавших в беженцы, одна сестра бабушки Зоси Анна осталась в России и вышла там замуж. Несколько раз приезжала на родину в деревню Михалки, но возвращаться сюда не захотела. Родила в России троих детей, одного мальчика и двух девочек. При выезде, уже из РСФСР, беженцам выдавали документы. К сожалению, у моих родителей и опрошенных жителей деревень таких документов не сохранилось. В нашей семье если он и был, то, возможно, мог сгореть во время войны. По железной дороге прибыли в Барановичи, откуда в деревню Михалки шли пешком, по дороге бросая или обменивая на продукты те небольшие вещи, которые при них были.

Мама спрятала на груди и принесла с собой небольшую лампадку и фаянсовую кружку, которые она нашла в разбитом монастыре. Забрала она их из родитель-

ского дома, когда вышла замуж за моего отца в деревню Пешки. Набожной была моя мама. Нечасто была в церкви, но эта лампадка всегда висела в светлом углу дома. Сумела спасти эти вещи и от пожара, когда немецкие прислужники сожгли деревню Пешки в 1943–1944 годах. Почти 50 лет висела эта лампадка под иконой в построенном родителями в 1950 году доме в деревне Кошелёво, где и был окончен их жизненный путь.

Перед своей близкой кончиной попросила мама положить лампадку в гроб, когда умрет. Ее завещание было исполнено. Ну а кружка долго служила свою службу, сопровождая меня после армии, когда работал киномехаником, и после переезда в город Пинск. Использовалась она по назначению и моей единственной дочерью. Когда Светлана умерла, я положил кружку в ее гроб, как бы соединяя этим предметом бабушку и ее любимую единственную внучку, в которой она души не чаяла. Не дай Бог испытать чашу беженца кому-то и когда-нибудь!

Записал Олег ГРЕБЕННИКОВ

Фото из открытых интернет-источников

